
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

А. М. БУРОВСКИЙ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИЗМ *VERSUS* ТРАДИЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Статья посвящена проблеме столкновения европейской цивилизации (с характерным для нее индивидуализмом и разрушенной коллективистской традицией) и аграрно-традиционных культур. Показано, что традиция ориентирована на воспроизведение устоявшихся форм жизни и глубоко равнодушна к судьбам отдельных людей. Европейская цивилизация чувствительна к жестокости, в традиционной культуре практически незаметной. Европейцы стремятся помочь людям, обреченным на изгойство и гибель в традиционной системе ценностей. Носители традиционных культур считают их позицию бессмысленной и разрушительной. Волна погромов и насилия со стороны мигрантов, прокатившаяся по Европе в последние годы, не осмысливается мигрантами как чрезвычайная ситуация. Действия насильников соответствуют нормам их традиционной культуры.

Ключевые слова: цивилизация, культура, история, религия, столкновение, гуманизм, традиция, личность.

Мне не нужна традиция. Я хочу думать своей головой, а не головами покойников.

К. Поппер

В 1804 году русские войска впервые ответили набегом на чеченский набег. Не ответить на набеги горцев российская армия не могла: ни одно государство не может допустить, чтобы его подданных грабили и превращали в рабов. А Грузия была для адыгейцев, лезгин и чеченцев полем охоты на рабов и местом грабежей. С появлением русского крестьянства у них возникло еще одно такое поле...

По мнению современников, «кавказская война выросла из набеговой системы» (Гордин 2000: 57). Завоевать земли горцев
Историческая психология и социология истории 2/2017 58–81

Россия не могла, окончательно победить их тоже не могла. Реально русская армия могла только стараться перехватывать во время набега «злого чечена, ползущего на берег», или отвечать набегом на набег, уничтожая жилища и посевы горцев, обрекая их на голод. Этот кошмар «стратегии выжженной земли» длился десятилетиями, а ведь нет сомнения, что стоило горцам отказаться от набегов, и он бы прекратился.

И власти Российской империи, и русское общество готовы были воспринимать горцев так же, как любых других новых подданных, но при одном условии – немедленном прекращении набегов. Беда в том, что горское общество могло выполнить почти любое другое условие, но не это...

Кавказская война, одна из самых кровопролитных, долгих и тяжелых войн, какие только вела Россия за всю свою многострадальную историю, длилась до 26 августа 1859 года, когда Шамиль вынужден был капитулировать в ауле Гуниб, почти снесенном с лица земли горной артиллерией.

За 55 лет погибли 70 тысяч русских солдат, примерно столько же грузинских ополченцев и несколько сотен тысяч горцев разных племен. Были затрачены колоссальные материальные ресурсы и невообразимые усилия обеих сторон.

Русские офицеры и генералы даже в условиях войны готовы были относиться к горцам патерналистски, справедливо называли набеговую систему «дитятей бедности», но одновременно (и тоже справедливо) считали набеги проявлением дикости и некультурности горцев. Долгое время русские офицеры и государственные деятели искренно полагали, что надо только «устроить» жизнь горцев, сделать ее «обеспеченной от лишений», стабильной, и набеги окончатся сами собой.

В какой-то степени они были правы, эти благожелательные русские люди. Если не считать периодов политических или природных катаклизмов, для любой человеческой популяции характерен рост численности населения. Происходил он и в бедных долинах Северного Кавказа. Рост населения рано или поздно приводит к тому, что продуктов питания начинает не хватать. Возникает пресловутое относительное перенаселение. Относительное оно потому, что перенаселение всегда величина условная; стоит перейти к более интенсивной технологии производства – и на той же территории начинает кормиться во много раз больше жителей. В конце концов, в современной богатой Скандинавии живет раз в 20 боль-

ше людей, чем во времена викингов. А относительного перенаселения нет, и шведская и датская молодежь вовсе не занимается морским разбоем и завоеваниями земель в Сицилии.

Но если переход к интенсивным технологиям невозможен или затруднен, тогда общество может использовать одну из трех стратегий¹: расселиться на другие территории (желательно с похожим климатом и условиями жизни); завоевать уже населенные земли, чтобы эксплуатировать своих данников или подданных; сделать так, чтобы населения стало поменьше.

Расселяться в тесных горных долинах решительно некуда. Завоевать большую империю и удерживать ее силами горцев было совершенно невозможно. Набег позволял жить за счет других, более богатых обществ. А поскольку в набегах всегда погибала какая-то часть молодых мужчин, набеговая система помогала и регулировать численность населения; все-таки оно росло не так быстро, а в какие-то периоды могло и сокращаться, оставшимся уже хватало продуктов...

Но быстро выяснилось – дело вовсе не только в экономике и не только в культурной отсталости горцев. Набеговая система возникла веками как реакция на кризис общества и природы. Сложившись, она сформировала определенный тип общества и определенный человеческий типаж.

Способность участвовать в вечной войне всех против всех сформировала людей невероятно агрессивных, крайне жестоких, очень равнодушных и к собственным страданиям, и к страданиям других. В горах Кавказа самым выигрышным способом вести себя на протяжении поколений была готовность к военным действиям, к бою в любой момент. Самому лично – против истинного или надуманного «обидчика», силами своей семьи – против других семей, в составе отряда своего рода или племени – против других родов и племен.

Для европейца, вообще для представителя старой земледельческой культуры, человек, который отвечает ударом кинжала или выстрелом на сказанное невпопад слово или мстит убийствами за обиду трехсотлетней давности; тот, кто похищает коня или оружие просто потому, что «не может удержаться» (как горские герои Лермонтова), должен рассматриваться в лучшем случае как инфан-

---

¹ Эту интереснейшую концепцию Э. С. Кульпин наиболее полно изложил 5 сентября 1995 года во время выступления на семинаре в бухте Голубой в рамках V Международной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории».

тильный антиобщественный тип, а то и попросту как смертельно опасный безумец. Но для многих поколений горцев проявление агрессивности, неуживчивости, неустойчивого настроения, непредсказуемого поведения, готовности драться с кем угодно при любом перевесе сил и рисковать жизнью даже из-за пустякового каприза были так же важны, как для земледельца из теплой долины – трудолюбие, аккуратность, доброжелательность к другим людям, любовь к животным и растениям.

Не проявляя этих качеств, горский подросток вызывал у окружающих сомнения в том, что он правильно развивается, а юноша – в своей приспособленности к жизни. Набег же оказывался не только доходным экономическим мероприятием, но и важным общественным институтом и формой социализации нового поколения. В какой-то степени – даже формой инициации. Только приняв участие в набеге, юноша и в собственных глазах, и с точки зрения соплеменников из «совсем большого мальчика» превращался в члена сообщества взрослых мужчин, потенциального жениха и хозяина в доме.

Набег был проверкой личных качеств и совсем взрослых горцев, подтверждением их общественного статуса. Во все века и у всех народов обязанностью взрослого мужчины было кормить семью.

В первую очередь, конечно, речь шла о способности выполнять работу взрослого мужчины – в большинстве обществ физически сложную, требующую огромного напряжения и ответственности. Но во многих обществах – в основном догосударственных – умение отнять и принести добычу становится по крайней мере не менее важным.

Требование некоторых индейских племен Великих равнин (территория Среднего Запада США): юноша не может жениться, пока не принесет скальп врага или не совершит «военного подвига», – может расцениваться как попытка сдержать рост населения. К этому же можно отнести и попытки захватить стойбище, из которого ушли мужчины, и убить женщин и детей.

«Военные подвиги», войны племен неизменно сопровождались ограблением поверженного врага. Существует даже термин «этническая эксплуатация» (Четвертаков 2011), применяемый в основном к первобытным обществам.

Существует много обществ, в которых грабеж становится важным хозяйственным укладом. Чаще всего примером становятся

общества кочевников-скотоводов. Но здесь просматривается общая закономерность относительного перенаселения. Кочевой скотоводческий уклад требует громадных пространств для прокормления небольших с современной точки зрения популяций людей.

Население Великой степи от Китая до Волги в эпоху Тюркского каганата вряд ли превышало 1–2 млн. человек (Кляшторный, Савинов 2005). Число половцев в XIII веке не превышало 400–500 тыс. человек (Плетнева 1958). Но и для них физически не хватало пищи.

Конечно, режим этнической эксплуатации может переноситься и на исторически более поздние общества, в том числе на предгосударства и государства. Исключительный по жестокости режим этнической эксплуатации организовали авары, не раз создавали степняки. Примеры, хорошо известные россиянину, – Золотая Орда и ее осколки. Крымское ханство, вероятно, наиболее яркий пример такого рода паразитического существования. В XV–XVI веках до 70 % всего богатства Крыма создавалось в сфере набегов, откровенно называвшихся «без-баш», то есть «за одеждой». Крымские татары не только грабили во время набегов, но и угоняли огромное количество людей в рабство. Число угнанных определяется примерно и колеблется между 500 тыс. и 5 млн. человек за все время существования Крымского ханства. О чудовищной жестокости этих набегов см.: Базилевич 1914; Костомаров 1995.

Объяснить режим набегов «бедными почвами» Крыма невозможно: набегов не практиковали не только греки, но и поселившиеся в Крыму готы и обитатели степей скифы. Держава скифов в Крыму была разгромлена готами в III веке н. э., но погребения по скифскому обряду датируются и V веком (История... 2007), тогда как в Северном Причерноморье их держава была уничтожена сарматами между 280 и 260 годами до н. э. (Диодор Сицилийский 2007).

Почему-то и скифы, и готы, и половцы в Крыму практически отказались от набеговой системы. Видимо, их вполне кормили как раз богатства Крыма, возможность вести в нем разнообразное хозяйство.

Крымские татары в последний раз набегали на Русь в 1769 году. С тех пор они вполне обеспечивали себя мирным трудом. К XX веку население Крыма (к тому времени в основном русское) превысило 1 млн. человек, а Крым считался богатым, благополучным регионом.

Кстати, и авары практиковали жесточайшую этническую эксплуатацию явно не потому, что их плохо кормили богатейшие черноморские Подунавья и субтропики Северных Балкан.

Крымское ханство – наиболее яркий пример не следствия относительного перенаселения, а переживания традиций более раннего исторического периода. Вероятно, относительное перенаселение послужило толчком к возникновению культуры кочевых народов, но в уникальных условиях Крыма как форпоста мира ислама сохранялось и культивировалось невероятно долго.

Кстати, исламский мир дает немало примеров этнической эксплуатации в режиме функционирования государства. Притом что государство всегда выполняет роль ограничителя насилия: уже присваивая себе исключительное право на насилие, запрещая кровную месть, убийства и грабежи внутри общества своих подданных.

Исламские государства, в том числе громадная и могучая Османская империя, в большой степени живут за счет прямого ограбления соседних христианских государств и повышенного налогообложения христиан внутри государства – то есть за счет усиленной эксплуатации «чужих» внутри государственного организма.

Вторгаясь на Северный Кавказ, русские столкнулись не только с экономическим укладом, но и с общественной психологией, если угодно – ментальностью.

Мало того, что в набеговой системе умения воевать, набегать на чужую землю и возвращаться, грабить поверженного врага, похищать и продавать рабов были ценнейшими качествами хозяина, ничуть не меньшими, чем в обществе земледельцев – умение становиться сельским хозяином, а в современном обществе – умение выполнять квалифицированную работу. Отказавшись участвовать в набеге, юноша рисковал быть обвиненным в трусости, в отсутствии мужских качеств. Такое обвинение было бы предъявлено ему незамедлительно, а если бы он не «смыл его кровью», оскорбление превратилось бы в диагноз. Но и взрослый мужчина, перестав «набегать» вместе с другими, не только рисковал не свести концы с концами в хозяйстве, но и выпадал из системы общественных отношений. Родичи и соплеменники буквально не знали, как к нему относиться, каков теперь его общественный статус и что должен и может делать такой человек.

Так набег оказывался важнейшим не только с экономической и социальной, но и с морально-нравственной точки зрения, краеугольным камнем для любых морально-этических оценок.

Русские офицеры долгое время были искренне убеждены: горцев можно убедить не набегать! Ведь преимущества мирной жизни очевидны; наверное, горцы просто об этом еще не знают... В моих словах нет ни малейшего покушения на иронию! Цивилизаторский пафос привел в горы такого образованнейшего человека, как генерал И. Р. Анреп, который искренне намеревался замирить горцев «силою своего красноречия».

«С ним был переводчик и человек десять мирных горцев, конвойных. Они проехали в неприятельском крае десятка два верст. Один пеший лезгин за плетнем выстрелил в Анрепа почти в упор. Пуля пробила сюртук, панталоны и белье, но не сделала даже контузии. Конвойные схватили лезгина, который, конечно, ожидал смерти; но Анреп, заставив его убедиться в том, что он невредим, приказал его отпустить. Весть об этом разнеслась по окрестности. Какой-то старик, вероятно важный между туземцами человек, подъехал к нему и вступил в разговор, чтобы узнать, чего он хочет? “Хочу сделать вас людьми, чтобы вы веровали в Бога и не жили подобно волкам!” – “Что же, ты хочешь сделать нас христианами?” – “Нет, оставайтесь магомедовой веры, но только не по имени, а исполняйте учение вашей веры”. После довольно продолжительной беседы, горец встал с бурки и сказал очень спокойно: “Ну, генерал, ты сумасшедший, с тобою бесполезно говорить”.

Я догадываюсь, что это-то убеждение и спасло Анрепа и всех его спутников от верной гибели: горцы, как и все дикари, имеют религиозное уважение к сумасшедшим. Они возвратились благополучно, хотя, конечно, без всякого успеха» (Гордин 2000: 246).

Как видно, конфликт России и горцев – это конфликт двух культур, двух систем ценностей, двух этических систем. Причем в системе оценок русской стороны горцы – это своего рода «глупые русские» или «недоразвитые европейцы». Нужно им разъяснить всю глубину заблуждений, просветить, и они начнут жить «правильно».

Для горцев же русские в их стремлении остановить набеговую систему – это безумцы, просто не понимающие вещей, очевидных даже для ребенка: необходимости набегать на тех, кто хоть чуть-чуть богаче тебя самого, воровать лошадей, оружие и девиц, высокого пафоса грабежа чужого имущества, сжигания урожая и жилищ врагов или торговли рабами. С ними нечего и говорить.

Приведу еще один пример, удивительным образом тоже связанный с горами. В 1830-х годах британцы узнали о том, что ма-

ленькое горное племя кхондов приносит человеческие жертвы. До этого времени кхондов англичане знали мало; разве что как проводников да великих знатоков зверей, растений и звериных троп. Кхонды населяли хребет Гатов, плоскогорье с экзотическим именем Чхота-Нагпур; они редко появлялись в теплых богатых долинах; молчаливые, сдержанные, они откровенно робели перед сильными мира сего и мало говорили о себе. А их красивые, полные диких слонов, тигров и кабанов, но бедные и холодные горы мало интересовали британцев. Вот если бы в горах, где живут кхонды, еще и находили алмазы...

А тут оказалось, у кхондов есть даже специальная каста людей-жертв – *мерия*. В древности вожди приносили в жертву собственных детей, позже стали покупать человека-замену. *Мерия* становились купленные рабы-иноплеменники или дети злостных должников. Часто *мерия* долго жили после покупки, до принесения в жертву. *Мерия* могли выбирать себе жен, но их дети тоже становились *мерия*. За *мерия* тщательно следили, не выпускали их из специальных хижин, которые старательно запирали на ночь (притом что свои дома кхонды традиционно не запирали). И наступал день, когда одну из жертв зверски убивали в честь богини.

Дело в том, что кхонды, как многие примитивные земледельцы, почитали мать сырую землю и символизирующую ее Великую Богиню. Богиня требовала жертв – раз в году ей надо было приносить в жертву мальчика или молодого мужчину. И как страшно приносили эту жертву! Вкапывался резной красивый столб – чудо народного творчества, фантазии, вершина искусства резьбы по дереву. Жертву отделяли от других *мерия*, долго издевались над ней, высмеивали ее судьбу. Считалось, что чем больше убиваемый плакал, кричал, сердился, бросался на убийц, тем лучше будет жертва. После долгого приготовления, барабанного боя и танцев жертву валили возле столба, прижимали к земле, специальными щипцами вырывали куски мяса из спины и ягодиц, закапывали в разных местах площадки. Кровью еще живого человека кропили окрестные растения, и чем дольше это продолжалось, чем дольше жила, билась жертва – опять же, тем лучше. Труп расчленялся, по кускам закапывался в окрестностях.

Ритуал совершался раз в год, в великой тайне. Не потому, что кхонды считали принесение жертв чем-то скверным, а потому, что это ведь был ритуал Великой Богини. Ритуал, без которого не могли расти просо и рис, не могли идти дожди и цвести, благоухать

весенние джунгли. Действие вовсе не порочное, не гадкое и потому скрываемое, а скорее глубоко интимное и потому не обсуждаемое широко, тем более с посторонними. Так люди не обсуждают с кем попало подробностей своей интимной жизни или семейной истории.

По одной версии, все выяснилось потому, что один кхондский юноша много раз охотился с британскими офицерами, проникся к ним доверием и рассказал, куда и зачем исчезает на несколько дней в году. По другой версии, английский полковник после охоты в Гатах привез оттуда красивый резной столб и подарил его губернатору в Мадрасе. Встречая принца Уэльского, индийские чиновники собирали танцоров из разных племен. Привезли и кхондов; те увидели резной красивый столб, привезенный лихим британцем с гор. С расширенными глазами, с посеревшей кожей прикасались кхонды к столбу, повторяя на разные лады незнакомое слово «*мерия*». Британцы почувствовали за этим какую-то мрачную тайну, допросили кхондов поподробнее... А кхонды и не очень запирались. Они только не знали, что британцы тоже поклоняются Великой Богине, а иначе зачем им столб *мерия*? Если британцы хотят, кхонды сделают им много таких столбов...

Судя по всему, обычай *мерия* был связан с относительным перенаселением, в точности как и набеговая система. По крайней мере, часть кхондов не приносили в жертву *мерия*, но зато именно у этих племен убивали новорожденных девочек – до половины родившихся: надо же было регулировать рост численности людей.

Допускаю, что проблема *мерия* была для британского правительства и Ост-Индской компании предлогом наложить лапу еще и на горы кхондов. Но ведь наверняка не только предлогом! В конце концов, британское общество можно обвинить в чем угодно, но не в людоедстве же. Ни англиканская церковь, ни гражданские институты человеческих жертв тоже как-то не требовали. Гнусная тайна обсуждалась в клубах, в офицерских собраниях, по месту службы, в семьях за вечерним чаем; об этом писали газеты. Прекратить человеческие жертвоприношения в своей колонии британцы считали делом чести, и я не уверен, что лицемерно. Британцы создали специальное Агентство по борьбе с человеческими жертвоприношениями. С 1855 по 1861 год зафиксировали «всего» 22 жертвоприношения, и на этом Агентство было ликвидировано как выполнившее свою миссию. Уже из этой цифры видно, каков

был масштаб убийства *мерия* в традиционной повседневной жизни кхондов «до британцев».

Конечно же, действия колониальных властей демонстрируют все обычные факты взаимного непонимания. Кхонды совершенно не понимали, зачем британские офицеры мажут их большие пальцы в саже и прикладывают к бумаге. Они не имели ни малейшего представления, что это они дают подписку: не приносить человеческих жертв. Зато они очень хорошо понимали, что у них отнимают ценнейшую собственность – *мерия*, за которую уплачены крупные деньги. С кхондами воевали в 1835, 1837–1838, 1846–1849, 1855–1861 годах.

Чеченцы и лезгины были несравненно более грозным противником, чем кхонды, не знавшие ни лошадей, ни железного оружия, ни ружей, ни воинской дисциплины. Даже сравнивать невозможно войны британцев с кхондами и жестокою Кавказскую войну, грохотавшую в те же годы в 3 тысячах верст к северу. Но и кхонды были энергичны и отважны. Как все первобытные люди, они не очень понимали ценность индивидуальной жизни и с тем большей легкостью жертвовали собой. Они ставили ловушки на тропинках; протаптывали ложные тропы и выкапывали на них ямы; в одиночку или маленькими отрядами внезапно выскакивали из леса, пускали стрелы в марширующие колонны. А когда британцы подходили к их деревням и городкам, кхонды принимали бой в открытом поле – луки и стрелы против нарезных винтовок и горной артиллерии.

Конечно, первобытное племя было наголову разбито. Британцы оккупировали страну кхондов и запретили ужасный обычай. Они пригрозили сжечь артиллерийским огнем всякую деревню, жители которой принесут человека в жертву Великой Богине. Они пообещали землю и золото всякому, кто расскажет о готовящемся преступлении. Они освободили несколько сотен *мерия* и запретили покупать новых. Британцы даже пытались научить освобожденных *мерия* грамоте, использовать их как разведчиков и солдат. Здесь их ждало разочарование: оказалось, что большая часть *мерия* в той или иной степени невменяемы, а даже самые здоровые, мягко скажем, не блещут талантами. Что делать! Отбор не самых полноценных людей, стресс в ожидании страшной смерти сделали свое дело. Не больше 200 *мерия* удалось сделать солдатами, христианскими проповедниками и тайными агентами. Остальные бывшие *мерия* пополнили собой отбросы общества больших индусских городов. Но ведь британцы и в этом случае, стараясь цивилизовать *мерия*,

действовали из самых благородных побуждений. Люди любят тех, кому они сделали добро, и искренне считают «своими» тех, кого они спасли. Это не худшие черты человеческой природы, право слово.

Для кхондов соблюдение обычая стало формой сопротивления (так в советских лагерях верующие люди соблюдали христианские обряды). Британцы искали тайные места жертвоприношений, спасали *мерия*, а виновные деревни сравнивали с землей. В 1849 году множество спрятанных *мерия* спас мальчик, убежавший из подземного «схрона». В другом случае предал сын вождя, польстившийся на красивое оружие.

Судя по всему, меры британских властей принесли только часть желаемого результата: в 1902 году кхонды обратились в окружной магистрат Ганджама с письменной просьбой разрешить им принести в жертву человека. В просьбе им отказали, но никто особенно не интересовался, был совершен ритуал или нет. В 1947 году в одном из храмов штата Орисса был найден труп бродяги; обстоятельства убийства оказались более чем странными (Шапошникова 1968). По мнению английского этнографа В. Элвина, который долго работал советником по делам племен в уже независимой Индии, жертвоприношения происходили и в 1950-е годы... иногда.

Как всегда, национальная самобытность и народная традиция отступили только перед ликом космополитического, злого прогресса, стремящегося все нивелировать, всех сделать одинаковыми. В Гатах стали разбивать плантации чая, через горы проложили дороги, и кхонды начали работать на них в качестве *кули*, у них появились деньги. Исчезла экономическая необходимость душить новорожденных девочек и вырывать куски мяса из живых *мерия*. Оказалось, что горы могут прокормить гораздо больше людей, чем думали деды и прадеды.

Прошло еще два поколения – и в середине XX века появились кхонды-торговцы, кхонды-предприниматели (скажем, владельцы автобусов), а несколько юношей уже после Второй мировой войны получили высшее образование. В наше время обычай *мерия* изучают внуки тех, кто эти жертвы приносил.

История с *мерия* имеет еще более мрачный колорит, чем подробности Кавказской войны: настолько же, насколько принесение в жертву человека мрачнее набега. Тем не менее это история точно такого же культурного конфликта, какой возник у Российской империи с горами. Это конфликт культур, находящихся на разном уровне исторического развития. Для англичан кхонды – своего ро-

да «глупые британцы», «недоразвитые англичане». Они просто пока еще не поняли, как «на самом деле» устроен мир и что должен, а чего не должен делать цивилизованный человек.

Для кхондов же британцы – это «сумасшедшие кхонды», которые не понимают: без принесения в жертву *мерия* не будут восходить солнце, цвести деревья и травы и вообще не наступит весна. Между прочим, зафиксированы принесения в жертву стариками-кхондами самих себя. Будем справедливы, оценим мужество этих людей, которые ценой собственной жизни продолжали жизнь всего Мироздания. По крайней мере, они так считали.

Как правило, культура в процессе своего функционирования и развития не рефлектирует по поводу собственных установок: они кажутся единственно возможными и уж во всяком случае совершенно естественными. То, что в культурной традиции содержится жестокость, зверство, нечеловеческое отношение к человеку, совершенно не осознается «изнутри». Чтобы критически относиться к «своей» культуре, в которой человек воспитан, ему надо научиться «выходить» из нее, смотреть на свою культуру с позиции «другого». Такая возможность появляется только на очень высоком уровне развития культуры и исторически недавно. Думаю, мы не сделаем большой ошибки, связав появление этой способности и упорные попытки французских интеллектуалов XVIII века посмотреть на свою страну и свою культурную традицию с позиции то перса, то гурона, то полинезийца, то китайца.

Само появление такой «саморефлексирующей» культуры связано с появлением обществ, которые марксисты называют «буржуазными», а современные ученые – «урбано-сциентистскими» (Кульпин 1996). Но возникновение этого типа культуры связано вовсе не только с ростом городского населения, появлением промышленности и ежедневных газет, но в первую очередь – с ослаблением роли традиции в общественной жизни.

Для членов аграрно-традиционных обществ следование традиции, воспроизведение образа жизни и поведения предков – абсолютная, необсуждаемая ценность. Для современного человека (в том числе для традиционного чеченца и кхонда) знание, опыт и объективная истина – ценности столь очевидные, что ему просто непонятно, как может быть иначе.

Но вот в XVI веке известный анатом вскрывает труп и показывает свидетелям, что к сердцу идет лишь одно нервное окончание, а от мозга исходит толстый спинной мозг, соединенный со всеми

остальными нервными окончаниями, проходящими в организме. «Доказал ли я Вам, что человек думает не сердцем, а мозгом?» – обращается он к известному философу-перипатетику. И слышит в ответ: «Вы показали мне все это так ясно и ощутимо, что если бы текст Аристотеля не говорил обратного... то необходимо было бы признать это истиной» (Степин, Кузнецова 1993: 118).

В 1960-е годы московский ученый А. Кузнецов спорит со сванами – были в Сванетии монголы или нет. Его собеседники – учителя истории (!), получившие высшее образование в университете. Но вопрос решается так: «“Это надо спросить у стариков!” – говорит один. “Узнаем у такого-то, он очень старый”, – решает другой. Спросили. Были, говорят старики. Значит, были. И... бессмысленно спорить и ссылаться на литературные источники, доказывая, что татарское нашествие обошло страну и татары никогда не проникали в Верхнюю Сванетию» (Кузнецов 1970: 150–151).

Проблема рождения урбано-сциентистских обществ очень увлекательна, но выходит за рамки нашего исследования. Констатируем два принципиально важных обстоятельства (ср.: Huntington 1968).

1. Урбано-сциентистские общества рождаются исторически поздно на северо-западе Европы. Остальные общества Земли оказываются в положении догоняющей модернизации.

2. В урбано-сциентистских обществах знание и успешность важнее следования традиции. В аграрно-традиционалистских – наоборот.

Но если рефлексия по поводу традиции отсутствует, а сама традиция фактически сакрализуется, уже не надо удивляться – жестокость, содержащаяся в традиции, не замечается. В частности, еще и потому, что для традиции личность не существует вне общины или корпорации «своих». Гибель части «своих» (а уж тем более «чужих») вполне может быть чем-то, что стабилизирует положение этой общины и корпорации, позволяет ей достигать своих целей. И если даже у другой общины цели совершенно иные, она вполне лояльно относится к тому, что другая традиция для собственных целей губит часть «своих» – дело житейское.

Гуманизм, достаточно специфическое европейское «изобретение», заставляет видеть не традицию – т. е. некую совокупность людей, поступающих неким образом, не общину как некий надчеловеческий, надличностный организм. Гуманизм заставляет рассматривать, наряду с объединениями людей, еще и самого человека

и вполне допускать, что человек имеет полное право не участвовать в действиях «всех», не разделять общественных представлений и не отдавать свою жизнь во имя функционирования этого общественного целого.

Скажем, народы Северного Кавказа традиционно считали нормой угон друг у друга скота, кражу девушек, торговлю рабами. Угон скота и кражу девушек – веселым молодечеством и полезнейшим видом спорта, без которого мальчик попросту не вырастет мужчиной. Торговлю рабами – еще и экономически выгодным и в высшей степени почтенным занятием.

Также и в Средней Азии уже в XIX и даже в начале XX века достаточно обычной практикой была *барымта* или *баранта* – грабеж проходивших по территории рода или племени караванов, набеги с целью угона скота. Первоначально так назывался угон скота у нарушителей племенных обычаев, т. е. акт «восстановительной юстиции» наподобие кровной мести. Но этот степной обычай легко выродился в грабежи и набеги на поселения оседлых народов. *Барымта* практиковалась в самой Средней Азии (Валиханов 1986), в Центральной Азии и в Тибете (Пржевальский 1883).

Для европейца все эти действия – скорее всего, попросту тупое зверство; но всякая попытка говорить о зверстве, которое повседневно и привычно творится в набеге, вызывает у аборигенов только пожимание плечами: «Ну, генерал, ты сумасшедший».

Такого рода конфликт «дурака» и «сумасшедшего» в своеобразной форме описывает Ю. М. Лотман (1993: 50–51): «Человек строит свой образ животного как глупого человека. Животное образ человека – как бесчестного животного... В “нормальной” ситуации животные совсем не стремятся контактировать с человеком, хотя бы даже с целью его поедания: они устраняются от него, в то время как человек с самого начала как охотник и зверолов стремился к контактам с ними. Отношение животных к человеку можно назвать устранением, стремлением избегать контактов. Приписывая животным человеческую психологию, это можно было бы назвать брезгливостью. Скорее, это стремление инстинктивно избегать непредсказуемых ситуаций, нечто похожее на то, что испытывает человек, сталкиваясь с сумасшедшим».

Но ведь точно такой же конфликт возникает вообще при всяком столкновении культур разного исторического уровня. В римских источниках неоднократно оценки «неразумия» и «глупости» галлов и германцев. Римляне полагали, что Галлию им удалось цивили-

лизовать – и они были не так уж неправы. Китайцы категорически запрещали человеческие жертвоприношения у «варваров», обитавших южнее Янцзы. Мусульманские правители Индии, Великие Моголы, так же беспощадно пресекали принесение в жертву людей некоторыми сектами индуистов.

Буддисты в Тибете вели войны с религией *бон*. Тибетские источники сообщают, что при восьми первых правителях династии Ярлунг существовали особые шаманы: «бонпо-могильщики». Они ритуально убивали людей и захоранивали их по особому обряду (Дугаров 1999).

Но ярче всего тенденция проявляется при столкновении аграрно-традиционной и урбано-сциентистской культур. Можно сколько угодно осуждать колониализм, но это воспроизводится постоянно, как нормальное положение вещей: «колонизаторы» обнаруживают в традициях жестокость и грубость, которые там вовсе не замечают сами «туземцы». Колонизаторы пытаются изменить традиционное общество и помочь жертвам того, что они считают жестокостью (сплошь и рядом их действия совершенно неудачны, но это уже другой вопрос). «Глупые» туземцы бешено сопротивляются, отказываясь видеть изъяны в том, что завещано мудрыми предками.

В наше непростое время сомнения в существовании «векторного развития», прогресса и совершенствования общества (в том числе и прогресса морали) заставляют и многих западных людей очень плохо относиться к колониализму. Колониализм – это вторжение в жизнь суверенных народов! Суверенных народов, чьи обычаи и нравы ничем не хуже европейских!

Правда, внимательный исследователь обнаружит в «колониальной» ситуации немало частных, но не менее значимых нравственных проблем. Вернемся к той же войне с кхондами.

Было ли вторжение британцев в Гаты вопиющим актом агрессии? Да, несомненно. Защищали ли кхонды родную землю? Конечно же. Был ли резной столб для жертвоприношений произведением искусства? Был, да еще каким! Не во всяком музее можно такой отыскать. Были ли *мерия* жалкими дегенератами? Большинство из них в каком-то смысле – да.

Но нужно ли было пресечь ужасный обычай? Вроде бы, тоже – несомненно, надо было, и совесть цивилизованного человека добавляет: нужно как можно быстрее, как только представится малейшая возможность. Получили ли что-то кхонды от того, что их земли вошли в Британскую империю? Конечно, получили, и даже

очень много. Если бы не британцы, не было бы у них ни современной экономики, ни своей интеллигенции.

Никак здесь не получается ни истории про злых завоевателей и ангелоподобных защитников своей земли, ни истории про злых дикарей и милых, кротких духом «прогрессенмахеров». В этой истории все смешивается, все слипается: корысть плантаторов и храбрость солдат и офицеров, умиравших ведь не за плантации. Жестокость колониальных властей, которую они способны рационально обсуждать, и первобытная жестокость самих кхондов, даже не понимавших, что они жестоки. Мужество защитников своей земли и печальный факт – защищали-то они не только право жить сами по себе, но и право на ежегодные убийства *мерия*.

В индусском традиционном обществе, суверенитет которого так нагло попрали британцы, неприкасаемым отводилось место существ, сотворенных из грязи, поднятой Шивой из-под своих ног. Сама идея равенства в каком бы то ни было смысле (в том числе и в религиозном) глубоко чужда индусскому обществу. Даже сам неприкасаемый (всем защитникам неприкосновенности традиций советую получше вдуматься в значение этого слова) считал себя и людей своей касты неполноценными, принципиально неравными людям «высоких каст». Так же точно и мужик в России чуть более ста лет назад сам вовсе не считал себя ровней барину или «антилихенту». Так же раб, ворочающий жернова в подвале у богатого черкеса, превосходно «знал свое место».

В современном мире колониализм трактуется вполне однозначно – как акт агрессии, вторжения в чужие дела и в конечном счете – как совершенно аморальное и крайне жестокое деяние. С этим можно только согласиться, пока мы рассматриваем отношения народов и государств, не «опускаясь» на уровень более частных интересов и отношений – отдельных этнокультурных групп или отдельных людей. Но при более близком рассмотрении проблемы, если «опуститься» на уровень более частных взаимоотношений, картина вырисовывается другая. Не более благостная, но несравненно более сложная.

Кроме всего прочего, колониализм оказывается и наиболее жестким, самым «обнаженным» из возможных выступлением нововременного гуманизма против повседневной, бытовой жестокости традиционного общества. То есть по отношению к индусскому обществу в целом, по отношению к государствам Великих Моголов и племени кхондов колониализм творит насилие. Ничуть не мень-

шее насилие обрушивается на политическую, а порой и на культурную элиту колонизируемых обществ.

Интересный факт: конфликт «дурака» и «сумасшедшего» возникает между британцами и всем индусским обществом в целом, включая и его самые «цивилизованные» страны и народы. Британцы для индусов – странные и неприятные безумцы, опасные смутьяны, которые не знают священных книг, едят говядину и пьют спиртное, «а потом еще чего-то хотят». В системе традиционных представлений для индусского брамина британцы были и остались просто нелюдью, которая никогда и ни при каких условиях не может встать рядом с теми, кто «право имеет».

А британцы, даже наведя на берег Индии корабельные орудия, были способны допустить хотя бы некоторых индусов в свое общество. Пройдет столетие, и в XIX веке появится множество англо-индусских метисов, которым британское общество отведет место в своей системе отношений. Различие, как хотите, не в пользу традиционной культуры (при всей непривлекательности колониализма, в том числе практики «туземных жен»).

Получается, что как ни плох и как ни страшен колониализм, до какой бы степени он ни был морально неприемлем в начале III тысячелетия, он несет право на человеческое отношение сотням тысяч (в Гатах), а в масштабах Индийского субконтинента – десяткам миллионов человеческих существ. В конце концов, не только *мерия*, но и неприкасаемые только после завоевания Индии британцами узнали, что и они, оказывается, полноценные люди, обладающие некими неотъемлемыми свойствами и вытекающими из этого факта правами.

Справедливости ради отметим, что европейцы постоянно оказываются более агрессивными именно по отношению к традиции. Гуманизм заставляет их требовать такого отношения к личности, которое просто исключает дальнейшую жизнь традиции (будь то веселый набег лезгин, навахов или бедуинов либо жертвоприношение Великой Богине или столь же великому богу).

Очень характерно, что и к принесению в жертву *мерия* индусы «с равнин» были глубоко равнодушны – притом что давно и хорошо знали об этом обычае. Но ни бенгальские *навабы* и *маратхи*, к которым переходили из рук в руки Гаты и вся историческая область Орисса; ни раджи народности *ория*, которым и платили дань *кхонды*, никогда даже не пытались остановить человеческие жертвоприношения. Они были вполне лояльны к кхондам как народу,

имеющему свои обычаи, но эта лояльность оборачивалась дикой жестокостью по отношению к *мерия*. Людей зверски убивали в десятках километров от резиденций раджей. Об обычае знали, но индусы «с равнин» тоже знали человеческие жертвоприношения – пусть далеко не столь регулярные и системные, как у горцев-*кхондов*.

У индусов не было желания вмешаться, поскольку просто не было набора представлений, который позволил бы им возмутиться, испытать отвращение и шок – да такие сильные, чтобы ввязаться в длительную и жестокую войну. Традиция не способна усмотреть жестокости в самой себе, но она, как правило, не может увидеть ее и в другой традиции. Любому наблюдаемому безобразию легко даются объяснения типа «это вера у них такая» или «обычай их такой», и это звучит совершенно убедительно. Традиционное общество равнодушно к судьбе низов другого традиционного общества, его изгоев и неудачников. А к «чужим» бунтарям и правдоискателям относится примерно так же, как и к своим – как к справедливо наказуемым нарушителям общественной гармонии.

Следует признать, что индусы – и чиновники Великих Моголов, и верхушка народности *ория* – оказались несравненно «толерантнее» британцев и проявили несравненно больше уважения к местным традициям и обычаям... благодаря чему и было принесено в жертву несколько тысяч (или десятков тысяч) человек и задушено примерно столько же новорожденных детей. Все они вполне могли бы остаться в живых, будь индусы «с равнин» менее толерантными, более агрессивными, более склонными вмешиваться в чужие дела людьми.

Ни черкесы для турок, ни *кхонды* для *ория* – вовсе не глупцы, которых надо просвещать. А турки и индусы «с равнин» вовсе не рассматриваются черкесами и *кхондами* как непостижимые безумцы, с которыми и говорить-то нечего.

В наше время принято (я чуть не написал – модно) выступать в роли защитников традиции и подчеркивать отрицательную роль ее разрушителей или врагов. Противопоставление «чистых душой» людей патриархального общества и корыстолюбивых, злых, жестоких «прогрессенмахеров» стало навязчивым штампом. Но агрессивность колонизаторов и их неуважение к традициям оборачиваются пафосом выступления против привычной и потому как бы «незаметной» жестокости.

Из правила есть исключения: бытие европейских обществ вне государства². Испанцы самым непреклонным образом пресекли человеческие жертвоприношения у ацтеков. Судя по всему, они испытывали к ним такое же отвращение, какое испытывали римляне к жертвоприношениям друидов в Галлии и Британии. Это было чувство, объединявшее верхушку завоевателей-испанцев, представителей придворных кругов и дворянства, и самого последнего испанского солдата.

Здесь уместно вспомнить, что представители школы «Анналов» полагали: «Для того чтобы что-то реально узнать о прошлом, нам прежде всего надо стремиться понять, что было в головах людей» (Блок 1986: 39). Для «коллективного бессознательного» они ввели неопределенный термин «менталитет», имея в виду, что король Франции и крестьянин в каких-то чувствах и оценках могут совпадать на уровне не проговариваемых вслух конструкций – скорее интуитивных, чем вербальных.

Термин этот используют кто во что горазд, и чаще в публицистике, чем в науке (Кононенко 2003). Тем не менее в этой ситуации имеет смысл говорить о «разном менталитете» испанцев и ацтеков начала XVI века. Они чувствовали по-разному. Так же точно вели себя русские на Аляске – но и они были «государевыми людьми»: не только представителями своего общества, но и посланцами государства.

В то же время белых поселенцев в обеих Америках не особенно волновали самые чудовищные обычаи индейцев. Это касается равным образом «лесных поляков» и «лесных французов» Канады, а также англосаксонских переселенцев, заложивших основы Соединенных Штатов. Пока индейцы не нападают на их собственные поселки и караваны, переселенцы даже не пытаются «исправлять» индейцев – что бы они ни проделывали.

Во время войны короля Георга и французы, и английские поселенцы воевали вместе с индейцами (регулярные английские войска не прибыли в Америку). Только Массачусетс в 1745–1746 годах потерял 8 % своего взрослого мужского населения. Десятки детей европейцев были уведены в плен. После заключения Второго Аахенского мира 1748 года поселенцы прилагали максимум уси-

---

² Автор благодарит своего коллегу и друга Л. Е. Грину, который обратил его внимание на это интересное обстоятельство. Сам автор до сих пор не придавал влиянию государства такого значения.

лий, чтобы вернуть детей, и обвиняли индейцев в чудовищных методах ведения войны.

Но, во-первых, англосаксонские поселенцы никогда не мешали *гуронам* и *чероки* насиловать женщин и уводить к себе детей ирокезов. Во-вторых, они часто проявляли ничуть не менее отвратительную жестокость. Скальпирование врагов – обычай некоторых индейских племен. Но в 1725 году белые поселенцы колонии Нью-Гэмпшир впервые сняли скальпы с десяти индейцев, за что получили награду от властей колонии по 100 фунтов за скальп индейца враждебных племен. В 1724 году штат Массачусетс предлагал 500 долларов за скальп краснокожего, а в 1755 году тот же штат предлагал 200 долларов за мужской скальп краснокожего старше 12 лет, а за скальп краснокожей женщины или ребенка – 100 долларов (Стингл 1984).

В целом же у нас появляются серьезные причины сделать небольшое дополнение к закону техно-гуманитарного баланса (Назаретян 2004), которое можно сформулировать примерно так: достигнув некоторого уровня нравственного развития, общество органически не способно мириться с тем, что другие общества его еще не достигли. И навязывает другим обществам достигнутый уровень даже силой оружия.

Действительно, и русские на Кавказе, и британцы в Индии сравнительно легко мирятся с тем, как местное население обрабатывает землю или как оно строит дома или загоны для скота. Но вот с нарушениями уже в принципе достигнутого уровня гуманного отношения к личности общество оказывается совершенно неспособно примириться. И русские, и британцы воспринимают отступления от этого уровня буквально как личное, касающееся персонально всех оскорбление.

* * *

В конце XX – начале XXI века все перевернулось: не колонизаторы вторгаются в «туземные» страны. Мигранты наполняют собой Европу, и «туземцами» становятся скорее сами европейцы. Не будем обсуждать сейчас причины, по которым возникла сама проблема массовой миграции: это далеко за рамками нашей статьи. Констатируем факт: до 13 % населения Германии и Франции составляют выходцы из Азии и Африки. В их числе есть крупные ученые, серьезные специалисты и старательные, честные работники. Но не они определяют лицо этих «новых диаспор».

Вошла в историю новогодняя ночь 2016 года в Кельне, где «тысяча мигрантов в историческом центре одного из древнейших немецких городов приставали к женщинам, грабили, избивали и испражнялись прямо на улицах. Впрочем, по-настоящему шокировало горожан даже не это, а полная беспомощность полиции и попытка властей замолчать преступления. Беззащитность жертв и безнаказанность погромщиков привели к тому, что, по последним опросам, более трети немцев теперь стараются избегать общественных мест. В Германии не сомневаются, что речь идет о спланированной акции, которую европейцы уже назвали терактом» (Антонов 2016).

Этот «новогодний шабаш» получил огромный резонанс по двум причинам:

– масштаб явления. Немок избивают и насилуют постоянно – но не всегда число заявлений в полицию за два-три часа переваливает за 60;

– упорные попытки властей замолчать происходящее, а потом хотя бы преуменьшить масштабы события, оправдать мигрантов, рассказывать сказки, что пьяным дебоширам нужны были «пара евро и мобильник».

По существу же диаспоры в Европе давно превратились в рассадники преступности разного масштаба: от воровства и мелкого вымогательства до изнасилований и убийств. Почему? Потому что правительства западных держав становятся на их сторону? Потому что полиция получает негласные указания не преследовать мигрантов? (В Париже в 2013 году подросток, кидавший камни в полицию, закричал при попытке задержания: «Меня нельзя арестовывать! Я мусульманин!») Потому что европейцев два поколения воспитывали в чувстве стыда за колониализм и в диком представлении, что «все люди равны»? Потому что либеральная общественность агрессивно обрушивается на всех, кто пытается не то что протестовать, но и говорить о народных обычаях европейцев и стремится к их сохранению?

Конечно, причины во всем этом, но они не главные. Все, что сказано выше, не делает людей преступниками, это только способы сделать преступления безнаказанными. Вопрос: почему люди хотят совершать преступления? В том числе преступления против личности? Почему они так охотно пользуются предоставленными возможностями?

Причин две, и обе достаточно просты.

Во-первых, мигранты не считают преступлениями то, что считают таковыми европейцы. Ударили женщину? Но она сама шла с открытым лицом и в юбке, обнажающей щиколотки. Это проститутка, бесстыдница. Бить ее и насиловать – само собой разумеющееся право всякого мужчины. А выказать презрение бесстыжей бабе – даже и общественная обязанность, участие в общественных делах. Таковы обычаи Европы? Но ведь мусульманин убежден в «правильности» только своих обычаев. Воровство? Торговля краденым? Но главный в диаспоре, очень уважаемый человек, велел мне торговать телефонами. Какое мое дело, откуда взялись эти телефоны?! Я не знаю, откуда они и что думает об этом немецкая полиция. Я знаю, что должен слушаться старших. Дорожно-транспортное происшествие? Но у нас в кишлаке все так ездят. Втроем напали на человека, пинком ноги выбили лежащему? Но у нас нет ни малейшего представления о законах чести – в том числе представлений европейской уличной шпаны, для которой драться надо один на один, а бить лежащего – «западло». В нашем ауле все так делают.

Кстати, огромное количество преступлений совершается мигрантами против «своих». Полиция в Бирмингеме прямо «не советует» европейским туристам посещать некоторые кварталы и хорошо знает, какие из них более, а какие менее опасны. Мусульманский, где селятся турки, менее опасен, чем мусульманский, населенный пакистанцами. Пакистанский менее опасен, чем населенный индусами. А негритянский квартал пользуется особенно мрачной славой. Идешь туда? Попадаешь в зону повышенной опасности.

Во-вторых, само поведение европейцев трактуется ими иначе. То, что для европейца – проявление пресловутой толерантности, для мусульманина, тем более индуса – проявление слабости. Он, мигрант, въехал в Германию или Францию на каких-то особых правах. Он здесь главный. «Они» капитулировали, они слабы. А со слабыми и нужно вести себя так, как крымские татары вели себя с захваченными рабами, как авары – с покоренными славянами. Это поведение естественно, оно совершенно нормально.

Мигранты относятся к коренному населению Европы, к европейским «туземцам», как к поверженному врагу. Причем по законам аграрно-традиционных культур, в которых жестокость к побежденным нормативна. Женщин побежденных и нужно насиловать, они – часть добычи победителей. Побежденных и надо всяче-

ски унижать, над их культурой надо глумиться. В Стокгольме уже в 2017 году мигранты разгромили рождественскую елку.

Мусульманки, кидавшие шарики в елку, вели себя в полном соответствии с нормами своей культуры. Они не совершают ничего преступного в своей системе ценностей, не делают ничего скверного. Наоборот – они выполняют то, что и должны. Они чувствуют себя полностью правыми.

Если мусульманку избьет муж, тоже не произойдет ничего необычного. И в полицию она не побежит. Если ее мужу сломают руки за то, что он нарушил некие правила жизни общины – тоже все в порядке. И немцу, который ведет себя «неправильно» (например, защищает жену или не отдает мобильного телефона), тоже надо сломать нос или руку – пусть знает, как надо себя вести.

Европейский гуманизм не может победить путем увещаний, уговоров, «положительного примера», а тем более путем выплат пособий и «социалки». Традиция утверждает свои ценности силой. Она изменяется только силой, если не может сопротивляться. Европейский гуманизм побеждает грохотом пушек горной артиллерии. Разнесенный вдребезги Гуниб – это убедительно. Повешенные вожди кхондов на фоне дымов догорающей деревни – это важный аргумент, доступный пониманию традиции. Так было, так есть. Сомневаюсь, что положение вещей изменится в обозримом будущем...

Литература

Антонов, М. 2016. Новогодний шабаш в Кельне: немцы боятся выйти из дома. *Вести.ру*. URL: www.vesti.ru/doc.html?id=2706463.

Базилевич, В. М. 1914. *Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII века*. Киев: Изд-во 2-й артели.

Блок, М. 1986. *Апология истории или ремесло историка*. М.: Наука.

Валиханов, Ч. Ч. 1986. *Избранные произведения*. М.: Наука.

Гордин, Я. 2000. *Кавказ: Земля и кровь*. СПб.: Звезда.

Диодор Сицилийский. 2007. *Историческая библиотека*. Кн. II. *Древний Восток в античной и раннехристианской традиции*. М.: Ладомир, с. 48–58.

Дугаров, Р. Н. 1999. *Бон и буддизм в традициях древних верований Амдо-Кама (Великого Тибета VII–XVII вв.)*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ.

История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). 2007. Симферополь: Атлас-компакт.

Кляшторный, С. Г., Савинов, Д. Г. 2005. *Степные империи древней Евразии*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.

Кононенко, Б. И. 2003. *Большой толковый словарь по культурологии*. М.: Вече-АСТ.

Костомаров, Н. И. 1995. *Руина. Исторические монографии и исследования*. М.: Чарли.

Кузнецов, А. А. 1970. *Внизу. Сванетия*. М.: Советский писатель.

Кульпин, Э. С. 1996. *Бифуркация Запад – Восток*. М.: Московский лицей.

Лотман, Ю. М. 1993. *Культура и взрыв*. М.: Гносис.

Назаретян, А. П. 2004. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование)*. М.: Мир.

Плетнева, С. А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Т. I. *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 62. М.; Л.: Наука, с. 151–226.

Пржевальский, Н. М. 1883. *Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии Н. М. Пржевальского*. СПб.: Издание Императорского Русского Географического общества на Высочайше дарованный средства.

Степин, В. С., Кузнецова, Л. Ф. 1993. *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. М.: ИФ РАН.

Стингл, М. 1984. *Индейцы без томагавков*. М.: Прогресс.

Четвертаков, С. А. 2011. *Реконструкция теории Маслоу*. СПб.: Алетейя.

Шапошникова, Л. В. 1968. *Дороги джунглей*. М.: Географгиз.

Huntington, S. 1968. *Political Order in Changing Society*. New Heaven: Yale University.